ЛИТОВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

Годъ двадцать второй. | ВЫХОДЯТЪ по ВОСКРЕСЕНЬЯМЪ. | 4-го Марта 1884 года.

Подписная цѣна съ пересылкою за годъ 5 руб. Отдѣльные №№ Литов. Еп. Вѣд. за прошедшіе годы и за настоящій 1884 г. по 10 к. (марками) Подписка принимается въ г. Вильнѣ, въ Редакціи Литовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей.

№ 9.

При печатаніи объявленій, за каждую строку или мѣсто строки взимается:
за одинъ разъ 10 коп.
за два раза 15 „
за три раза 20 „

Дѣйствія Правительства.

— **Высочайшая благодарность.** Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. министра народнаго просвѣщенія въ 13 день истекшаго января, удостоивъ благосклоннаго принятія экземпляра изданнаго законоучителемъ Виленской гимназіи священникомъ Никодимомъ Соколовымъ историческаго изслѣдованія Островоротной или Остробрамской чудотворной иконы Богородицы въ г. Вильнѣ, Высочайше повелѣть соизволилъ благодарить автора.

— *Указъ Правительствующаго Сената отъ 12 января 1884 года за № 874.* По указу Его Императорскаго Величества, Правительствующій Сенатъ слушали: рапорты Гродненскаго губернскаго правленія, отъ 7 марта 1880 г. и 20 сентября 1883 г. за №№ 1251 и 5997, *объ усыновленіи священнику Жебровскому крестьянина Платона Хитрика.* Приказали: Усматривая изъ рапортовъ Гродненскаго губернскаго правленія за №№ 1251 и 5907 и представленныхъ при нихъ документовъ, что священникъ Андрей Антоновъ Жебровскій, ходатайствующій объ усыновленіи ему сына крестьянина Мирона Адамова Хитрика Платона, принадлежитъ къ числу личныхъ дворянъ, собственныхъ дѣтей не имѣетъ и что установленныя примѣчаніемъ къ 145 ст. X т. I ч. Зак. гражд. по прод. 1079 г. и Высочайше утвержденнымъ 25 января 1883 г. мнѣніемъ Государственнаго Совѣта объ усыновленіи лицами духовнаго званія правила въ данномъ случаѣ соблюдены. Правительствующій Сенатъ опредѣляетъ: сына крестьянина Мирона Адамова Хитрика Платона усыновить ему, Жебровскому, со всѣми правами и преимуществами, предоставленными означенными узаконеніями усыновляемымъ лицами духовнаго званія.

— Указомъ Святѣйшаго Синода отъ 3 февраля за № 330, настоятель Жировицкаго монастыря архимандритъ *Николай,* по разстроенному здоровью и согласно его прошенію, уволенъ отъ должности.

Мѣстныя Распоряженія.

(Къ исполненію).

Литовская Духовная Консисторія слушали: Его Императорское Величество Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода, обративъ милостивое Свое вниманіе на трудъ члена Археографической Коммиссіи Министерства Народнаго Просвѣщенія Петра Гильтебрандта „**Справочный и Объяснительный Словарь къ Новому Завѣту,**“ соизволилъ разрѣшить помѣстить во главѣ подписчиковъ Свое Августѣйшее Имя, вмѣстѣ съ другими Членами Императорскаго Дома. Святѣйшій Правительствующій Синодъ, въ постановленіи своемъ отъ 8/12 ноября 1882 года, рѣшилъ взять на свои средства извѣстное количество экземпляровъ Словаря для духовныхъ училищъ и семинарій и рекомендовать Словарь вниманію Епархіальныхъ Преосвященныхъ. При посредствѣ этихъ мѣръ, четыре книги Словаря уже вышли въ свѣтъ. Сельское духовенство (особенно та часть его, до которой дошло извѣстіе о Словарѣ и которая пріобрѣла это изданіе) одобряетъ издателя за предпринятый имъ трудъ, называя оный полезнымъ и необходимымъ для духовенства. Но, какъ видно изъ приложеннаго къ четвертой книгѣ Словаря списка подписчиковъ, трудъ г. Гильтебрандта не пріобрѣлъ еще должнаго и равномѣрнаго распространенія по епархіямъ, вслѣдствіе чего составитель Словаря обратился къ г. Оберъ-Прокурору Святѣйшаго Синода съ просьбою о возможномъ содѣйствіи къ окончанію его изданія. Господинъ Оберъ-Прокуроръ Святѣйшаго Синода, имѣя въ виду, что трудъ г. Гильтебрандта можетъ служить весьма полезнымъ пособіемъ для священниковъ въ изученіи и проповѣданіи Слова Божія, изданіе же его стоитъ, при умѣренной цѣнѣ, значительныхъ издержекъ, кои могутъ быть покрыты лишь распространеніемъ сего изданія, отношеніемъ отъ 30 декабря 1883 года, проситъ Его Высокопреосвященство о рекомендаціи этого изданія духовенству Литовской епархіи, для чего при отношеніи приложено нѣсколько экземпляровъ объявленій и списка подписчиковъ на Словарь. Приказали: Согласно резолюціи Его Высокопреосвященства рекомендовать духовенству Литовской епархіи Словарь Гильтебрандта для выписки въ церкви; о чемъ и послать указы благочиннымъ Литовской епархіи, съ приложеніемъ нѣкоторымъ изъ нихъ объявленій и списка подписчиковъ, присланныхъ при вышеписанномъ отношеніи г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода. г. Вильна, января 21 дня 1884 года.

Мѣстныя Извѣстія.

— 28 февраля, преподано архипастырское благословеніе Его Высокопреосвященства: 1) старостѣ Клепачской церкви, Волковыскаго уѣзда, М. П. фонъ-Витторфу—за ревностное его служеніе и за пожертвованія; 2) председа-

телю Байковскаго приходскаго попечительства кр. Ѳеодору Авдѣйчику, церковному старостѣ Давиду Потынчуку, Никифору Тихончуку и всѣмъ прихожанамъ-жертвователямъ (на ремонтъ церкви—до 1600 руб.) за ихъ усердіе къ храму Божію.

— 25 февраля, рукоположенъ во священника къ Яршевичской церкви, Вилейскаго уѣзда, *Петръ Малыгинъ*.

— **Пожертвованіе.** Въ 1883 году пожертвованъ въ Крынскую церковь образъ св. Митрофана въ кіотѣ за стекломъ гродненскимъ полиціймейстеромъ Митрофаномъ Семеновымъ Тимоновымъ,—а въ кладбищенскую церковь пожертвованы крест. м. Крынокъ Александромъ Павловымъ Косацкимъ три колокола,—одинъ вѣсомъ 3 пуда 7 фун.,— другой пудъ 24 ф., третій 28 фунтовъ, за что уплочено 116 р. 77 к.

— **Объявленіе.** Въ Гродненскомъ губернскомъ особомъ объ обеспеченіи быта православнаго духовенства присутствіи будутъ производиться 16 апрѣля сего года изустные и посредствомъ запечатанныхъ объявленій торги съ узаконенною черезъ три дня переторжкою, на отдачу въ подрядъ постройки и исправленія причтовыхъ зданій въ приходахъ: *Луковскомъ*, Брестскаго уѣзда, за 960 р.; *Чемеровскомъ*, тогоже уѣзда, за 794 р.; *Люшневскомъ*, Слонимскаго уѣзда, за 2287 р. 20 к.; *Головачскомъ*, Гродненскаго уѣзда, за 1216 р. 59 к. и *Засимовичскомъ*, Пружанскаго уѣзда, за 551 р., а также на продажу ветхихъ строеній причта Васильковской церкви, Сокольскаго уѣзда, за 198 руб. Желающіе принять подрядъ не раздѣльно или отдѣльно по каждому приходу должны представить въ присутствіе узаконенные залоги, равняющіеся $^1/_{10}$ части годовой договоренной суммы наличными деньгами, или процентными бумагами, гарантированными правительствомъ, а $^1/_3$ части свидѣтельствами на дома и другія недвижимыя имущества.

— **Вакансіи. Настоятеля:** въ с. *Омеленцѣ*—Брестскаго уѣзда, въ с. *Сосновѣ* (Кобыльникахъ) Свенцянскаго уѣзда, въ с. *Черленахъ*—Гродненскаго уѣзда и въ с. *Лясковичахъ*—Кобринскаго уѣзда. **Помощника:** въ м. *Батуринѣ*—Хотенчицкой церкви—Вилейскаго уѣзда. **Діакона:** при Брестскомъ Симеоновскомъ соборѣ. **Псаломщика:** при Брестскомъ городскомъ соборѣ, при Таурогенской церкви, и въ с. *Черняхъ*—Брестскаго уѣзда.

ВЫШЛИ ИЗЪ ПЕЧАТИ НОВЫЯ КНИГИ:

Чтенія по исторіи Западной Россіи съ этнографическою картою. Соч. *М. О. Кояловича.* Спб. 1884 года. Третье изданіе. Цѣна 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

— **Архіепископъ Антоній** (Зубко), 50-лѣтній юбилей его архіерейства, послѣдніе дни его жизни, его кончина и погребеніе. Цѣна 25 к. и съ пересылкою.

Съ требованіями обращаться въ *Вильну, въ Редакцію Литовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей.*

Неоффиціальный Отдѣлъ.

Библіографическая замѣтка по поводу III тома Живописной Россіи (Литва и Бѣлоруссія—соч. Киркора).

Среди мѣстнаго интеллигентнаго общества давно уже стали ходить слухи о выходѣ въ свѣтъ дорогостоящаго изданія г. Вольфа—*Живописной Россіи.* Намъ удалось прочитать III т. ея только недавно и мы спѣшимъ дать отчетъ объ этой книгѣ читателямъ.

Въ типографскомъ отношеніи эта книга представляетъ собой едвали не единственное историческое изданіе въ Россіи: разнообразіе иллюстрацій, чистота бумаги и отчетливость шрифта заставляютъ желать весьма не многаго. Точно также и со стороны содержанія она представляетъ громадный трудъ по части собранія и разработки историко-статистическаго и этнографическаго матерьяла. Но къ сожалѣнію въ ней помѣщено нѣсколько очерковъ, составленныхъ и иллюстрированныхъ крайне тенденціозно. Таковы очерки: *народности литовскаго полѣсья, историческія судьбы, просвѣщеніе, народный трудъ и наконецъ названіе г. Вильны.*

Откровенно говоря, мы до сихъ поръ не можемъ дать себѣ яснаго отчета, для кого, собственно, и съ какою цѣлью они составлены и внесены въ эту книгу. Судя по языку, они очевидно предназначаются для русскихъ; но судя по направленію и тенденціямъ—для поляковъ. Можетъ быть еще третье предположеніе, но неблаговидное: они предназначаются для ослѣпленія русскихъ посредствомъ тонкаго и искуснаго преслѣдованія цѣлей польскихъ.

Мы не осмѣлились бы выступать съ такимъ рѣзкимъ вступленіемъ, еслибы не имѣли равносильныхъ доказательствъ тѣмъ болѣе, что напередъ предвидимъ неизбѣжное обвиненіе насъ въ желаніи порождать и поддерживать племенную непріязнь и ожесточеніе. Но мы чужды всякихъ постороннихъ цѣлей и потому не можемъ обращать на нихъ вниманія.

Общее впечатлѣніе, оставшееся у насъ отъ чтенія этихъ очерковъ таково, что авторъ ихъ по чему-то ограничился только польскими источниками; на русскіе же, особенно позднѣйшіе обратилъ весьма мало вниманія.

Мы нигдѣ не встрѣтили даже намековъ на изданія Виленской археографической коммиссіи, Археографическій сборникъ Виленскаго учеб. округа, Акты Кіевской коммиссіи, Акты Витебскіе, спеціальныя сочиненія по исторіи церкви митрополита Макарія, по исторіи уніи профессора Кояловича, Памятники З.-Русской старины П. Н. Батюшкова, Историческій очеркъ Вильны профессора Васильевскаго и многіе другіе. Исключеніе въ этомъ смыслѣ сдѣлано было только для Туровскаго Евангелія, Бѣлорусскихъ пѣсенъ г.г. Гильдебрандта, Безсонова, Шейна и одного Акта С. П. Археографической Коммиссіи, въ которомъ городъ Вильна называется В-и-л-н-о, и нѣкоторыхъ другихъ изданій, не касающихся политической стороны западно-русской жизни. Такое игнорированіе массы трудовъ и изслѣдованій русскихъ людей не можетъ быть не поставлено въ укоръ историческому изслѣдованію, появляющемуся на свѣтъ въ наши дни.

Съ такимъ же пристрастіемъ составлена и иллюстрація этихъ очерковъ, или вѣрнѣе этой части изданія. Вильна изображена съ той стороны, откуда видны только костелы и не видно православныхъ храмовъ; представлены выдающіеся дѣятели стороны польской и вовсе не представлены соотвѣтственные имъ дѣятели стороны русской.

Мы съ большимъ интересомъ разсматривали изображеніе бракосочетанія Ягеллы съ польской королевой Ядвигой; но не нашли соотвѣтственныхъ изображеній бракосочетанія литовскихъ князей съ княжнами русскими; разсматривали католическія процессіи на Жмуди, но не нашли соотвѣтственныхъ процессій другихъ вѣроисповѣданій; разсматривали высокомѣрную фигуру знаменитаго іезуитскаго проповѣдника Скарги, но не нашли соотвѣтственныхъ изображеній ни борцовъ сильныхъ (кн. Острожскаго, Льва Сапѣги, Воловичей,

Огинскихъ и др.), ни борцовъ скромныхъ (Смотрицкаго, братьевъ Зизаніевъ, Симеона Полоцкаго и др.), которые съ одинаковой энергіей и самоотверженіемъ защищали интересы родные, православно-русскіе; мы нигдѣ не нашли даже такихъ личностей, какъ первые издатели литовско-русскаго законодательства, первые основатели западно-русскихъ типографій, первые дѣятели западно-русскихъ братствъ... На страницѣ 117 мы нашли цѣлую плеяду польскихъ писателей и ученыхъ и нигдѣ не нашли изображеній ни Георгія Конисскаго, ни митрополита Макарія, ни проф. Кояловича, ни П. Н. Батюшкова, ни Носовича, ни многихъ другихъ, не мало поработавшихъ на поприщѣ западно-русской исторіи. Словомъ сказать: мы нашли въ иллюстраціяхъ тоже самое освѣщеніе западно-русской жизни, которое слишкомъ ярко блистало въ 60-хъ годахъ въ Виленскомъ музеѣ древностей, снимокъ съ котораго авторъ не забылъ помѣстить на стр. 108. Ужели авторъ, вносящій въ свой трудъ такое направленіе, думаетъ, что западно-русскій край и до сихъ поръ находится еще въ положеніи нравственно и политически закрѣпощеннаго хлопа, котораго можно гнуть въ какую угодно сторону и насиловать его политическія убѣжденія въ пользу какой угодно политической партіи? Est modus in rebus... Мы должны сказать здѣсь автору на основаніи долголѣтней нашей жизни и знакомства съ краемъ, что западно-русская жизнь въ общемъ ея историческомъ движеніи идетъ по направленію, совершенно противоположному взглядамъ и тенденціямъ автора и будетъ уже такъ идти, даже при самой слабой правительственной поддержкѣ. Крестьянская реформа, русскій судъ, русская школа и законъ 10 декабря—это такіе законодательные акты позднѣйшаго царствованія, которые круто обратили взоры западно-русскихъ массъ къ востоку; ихъ не могутъ затемнить литературныя ухищренія въ духѣ антирусскомъ. Одно еще, что можетъ колебать ясное сознаніе народныхъ массъ относительно племенной связи ихъ съ польскими началами, это польскій языкъ въ католическомъ богослуженіи. Освободите литвина и бѣлорусса отъ печальной и тяжелой необходимости изучать польскій языкъ для богослуженія, и они безповоротно останутся на сторонѣ Россіи.

I.

Но перейдемъ къ частностямъ. Къ Литовскому полѣсью авторъ очерковъ относитъ цѣлыхъ три губерніи: Ковенскую, Виленскую и Гродненскую; но тутъ же оговаривается, что Литва живетъ только въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Виленской губерніи и одномъ уѣздѣ—Гродненской. Въ такомъ случаѣ зачѣмъ же Литвѣ отдавать цѣлыхъ три губерніи? Гораздо проще и раціональнѣе провести настоящую этнографическую границу между тѣмъ и другимъ племенемъ и каждому отдать свое. Нельзя не упрекнуть по этому поводу Географическаго общества, которое часто посылаетъ ученыя экспедиціи на дальній востокъ и мало обращаетъ вниманія на близкій западъ, въ которомъ до сихъ поръ еще ведется племенной споръ о границѣ. Передъ нами лежитъ этнографическая карта г. Мирковича, изданная Славянскимъ благотворительнымъ комитетомъ. Мы провѣрили ее по очерку „Живописной Россіи" и нашли довольно сходной, но только съ очеркомъ, а не съ дѣйствительностію. Мы позволяемъ себѣ остановиться на этомъ важномъ вопросѣ и высказать нѣсколько предположеній, основанныхъ на изученіи мѣстнаго народонаселенія.

По картѣ Мирковича отъ крайняго пункта Литовскихъ населеній въ Вилейскомъ уѣздѣ, съ Востока на Западъ до станціи Евье (Троцкаго уѣзда), по масштабу нужно полагать до 70 верстъ; на этомъ значительномъ пространствѣ отмѣчены сплошныя литовскія поселенія; въ дѣйствительности же это далеко не вѣрно. Отъ станціи Евье на Сѣверъ и на Югъ встрѣчается еще смѣшанное народонаселеніе: есть деревни, говорящія по бѣлорусски, есть деревни, говорящія по литовски; но есть деревни, говорящія на томъ и другомъ языкѣ безразлично. Намъ кажется, что эти послѣднія деревни слѣдуетъ считать настоящей этнографической границей между Литвой и Бѣлоруссіей, потому что въ нихъ до сихъ поръ представляется скрещеніе двухъ племенъ. Другія же объясненія намъ кажутся очень гадательными. Если существуетъ ученое предположеніе, что западно-руссы врѣзались въ середину литовцевъ подъ ударами татаръ; то ему можно противопоставить другое совершенно равносильное предположеніе, что литовцы еще раньше врѣзались въ середину бѣлоруссовъ подъ ударами меченосцевъ. Съ другой же стороны русскія лѣтописи говорятъ, что еще при Ярославѣ Литва платила ему дань лыками и вѣниками. Положимъ, что дань была не важная, но важно было подчиненіе дикаго и воинственнаго народа русской власти. На чемъ же, спрашивается, опиралась эта власть? Очевидно на русскихъ поселеніяхъ. Отсюда понятно, почему Русь была первою, по сказанію одного изъ болѣе безпристрастныхъ польскихъ историковъ, Ярошевича, которая внесла въ это дикое племя свѣтъ христіанской вѣры и гражданственности безъ насилій и кровопролитій. Мы не можемъ отвергать, что литовцы и бѣлоруссы могли въ пограничныхъ осѣдлостяхъ передвигаться на ту, или другую сторону: мы даже скажемъ болѣе—въ такихъ случаяхъ они могли удерживать и свой преимущественный племенной обликъ; но мы утверждаемъ, что пограничныя поселенія, *на крайнемъ западѣ*, усвоившія себѣ тотъ и другой языкъ должны считаться дѣйствительными граничными поселеніями двухъ племенъ. Намъ помнится, что еще въ 1877 или 78 году мы говорили объ этомъ съ г. Кузнецовымъ, предпринимавшимъ этнографическую поѣздку на Жмудь; но что имъ сдѣлано въ эту поѣздку, мы до сихъ поръ не знаемъ, потому что въ Вильнѣ нѣтъ даже въ Публичной библіотекѣ тѣхъ номеровъ извѣстій Географическаго общества, въ которыхъ должны были опубликоваться его труды. Допустивши такое предположеніе, мы должны будемъ совершенно измѣнить этнографическую границу и въ составъ Литовскаго полѣсья включить только губернію Ковенскую и извѣстную часть уѣздовъ Свенцянскаго, Троцкаго и Виленскаго. Тѣже литовскія поселенія, которыя встрѣчаются въ уѣздахъ—лидскомъ, ошмянскомъ, вилейскомъ и гродненскомъ—считать или позднѣйшими, или случайными. Вѣдь находились же литовскія поселенія еще въ XVI ст. въ староствѣ пинскомъ, экономіяхъ гродненской, кобринской; но эти поселенія отмѣчались въ актахъ, какъ *литва кн. Чарторыйскаго*, или другаго вельможи, т. е. какъ поселенія недобровольныя, и они не могутъ приниматься въ разсчетъ при опредѣленіи этнографической границы. Во всякомъ случаѣ этотъ пограничный вопросъ слѣдуетъ считать спорнымъ; этого требуетъ существованіе 12 православныхъ приходовъ въ Троцкомъ и Виленскомъ уѣздахъ, о насажденіи и поддержаніи которыхъ не заботились ни прежнее польское правительство, ни католическое духовенство, ни крещеная въ католичество Литва, только исконное бѣлорусское племя этихъ уѣздовъ; а пока этотъ вопросъ не разрѣшится, не слѣдуетъ отдавать Литвѣ трехъ губерній, а то, что слѣдуетъ.

II.

Къ *кореннымъ жителямъ* Литовскаго полѣсья авторъ очерка причисляетъ и *поляковъ*. На стр. 11 онъ говоритъ: „польскихъ выходцевъ, переселенцевъ изъ собственной Польши здѣсь не много; но коль скоро многіе бѣлоруссы и литовцы усвоили себѣ польскую національность, польскій языкъ и во многомъ (хотя и не во всемъ) польскіе нравы и обычаи, наконецъ, коль скоро сами себя называютъ поляками, то не только съ этнографической, но и съ нравственной точки зрѣнія мы не имѣемъ никакого права называть ихъ иначе".

Эту новую теорію происхожденія коренныхъ національностей мы относимъ къ числу счастливыхъ историческихъ афоризмовъ.

До сихъ поръ право натурализаціи принадлежало или правительству, или народнымъ представителямъ, или же племеннымъ массамъ; но мы никогда не слыхали, чтобы это право принадлежало доброй волѣ отдѣльныхъ лицъ. Никто, конечно, не можетъ запретить извѣстнымъ людямъ, усвоившимъ себѣ чуждую ихъ племени національность, языкъ, нравы, обычаи, порвавшимъ съ своими предками всякую нравственную связь, считать себя тѣмъ, кѣмъ они хотятъ быть; но никто также не можетъ отнять права у правительства, или извѣстнаго племени считать такихъ людей тѣмъ, кѣмъ они есть въ дѣйствительности. А дѣйствительность ясно показываетъ, что такіе люди, съ точки зрѣнія остальной племенной массы, если хотятъ считать себя чужеземцами, то должны переселиться въ чужую землю, если же хотятъ оставаться среди ея, то должны считаться „*тубыльцами*", отступившими отъ національности своихъ предковъ; но считаться *коренными чужеземцами* никакъ не могутъ, потому что такое соединеніе несоединимыхъ понятій противорѣчило бы законамъ человѣческой логики. Допустивши такую теорію происхожденія коренныхъ національностей, мы должны будемъ допустить, что могутъ на свѣтѣ возродиться коренные негры изъ парижанъ въ Парижѣ, коренные англичане изъ москвичей въ Москвѣ же и т. д.; словомъ мы должны будемъ допустить смѣшной абсурдъ и ничего больше.

Мы не говоримъ уже о томъ, что вопросъ: всѣ ли бѣлоруссы и литовцы, усвоившіе себѣ польскій языкъ и польскую цивилизацію, дѣйствительно считаютъ себя коренными литовско-русскими *поляками*, слѣдуетъ считать гадательнымъ и нерѣшеннымъ уже потому самому, что не можетъ же не поражать многихъ изъ нихъ своею очевидностію тотъ фактъ, что имъ гораздо выгоднѣе и легче войти въ соглашеніе со своими одноземцами *родичами*, хотя бы и различными по вѣрѣ, и устроить съ ними извѣстный modus vivendi, нежели съ чуждыми имъ по происхожденію поляками, хотябы и одновѣрцами.

Но дѣло еще не въ этомъ. Эти *коренные чужеземцы* позволяютъ себѣ насиловать политическія убѣжденія остальной массы народонаселенія и тащить ее за собой по волнамъ политическихъ приключеній. И по какому праву? Мы знаемъ, что во времена существованія рѣчи-посполитой мѣстная интеллигенція, духовенство и горожане (о простомъ народѣ мы не можемъ говорить, потому что онъ былъ тогда безгласенъ) никогда не считали себя поляками, хотя многіе изъ нихъ были фанатическими католиками и усердными подражателями польской цивилизаціи. Изъ многочисленныхъ депутатскихъ инструкцій мы знаемъ, что западно-русское и литовское дворянство очень ревниво охраняло свою политическую автономію и также настойчиво протестовало при малѣйшемъ ея нарушеніи со стороны короны: засидится ли коронное войско какой-либо литовско-русской крѣпости—протестъ; заберетъ ли Корона изъ литовскаго скарба деньги —протестъ; получитъ ли какой-либо „короняжъ" на Литвѣ должность или имѣніе, хотя бы на основаніи королевской привилегіи—протестъ, а привилегія объявляется подложной „*ad male narrata*"; нарушится ли очередное собраніе сейма —протестъ и т. д. Даже въ позднѣйшіе годы существованія рѣчи-посполитой, почти наканунѣ раздѣла Польши, дворяне пограничнаго съ Короной брестскаго воеводства чрезъ своихъ пословъ требовали, 1) чтобы составлена была особая коммиссія для собранія древнѣйшихъ лит.-русскихъ законоположеній, которыя были или уничтожены позднѣйшими, или замѣнены въ пользу рѣчи-посполитой; 2) чтобы на сеймѣ не было постановлено ничего такого, что бы нарушало права в. кн. Литовско-русскаго, полученныя имъ на основаніи уніи; 3) чтобы исполненіе даже такой мелочи, какъ содержаніе двухъ татарскихъ пословъ въ предѣлахъ княжества, было поровну распредѣлено между Короной и Литвой. Эти факты занесены въ актовыя книги бывшаго в. кн. литовскаго, хранящіеся частію въ Вильнѣ, частію въ Кіевѣ и частію Витебскѣ. Они ясно говорятъ, что не смотря на всѣ стремленія латино-польскаго правительства—подчинить себѣ литовско-русское княжество, не смотря на всѣ тайныя и явныя преслѣдованія православной вѣры и русской народности, этотъ край не утратилъ сознанія ни своей политической автономіи, ни національной самобытности, хотя эти послѣднія и были уже разшатаны и надломаны. Съ какого времени нѣкоторые мѣстные уроженцы стали титуловать себя *поляками*, объ этомъ мы поговоримъ въ другомъ мѣстѣ.

III.

Между народностями Литовскаго полѣсья авторъ очерка находитъ и *Черноруссовъ*; онъ помѣщаетъ ихъ въ 3-хъ приходахъ лидскаго уѣзда. Считаемъ долгомъ замѣтить, что такого названія племени мы нигдѣ не встрѣчали въ западно-русскихъ актахъ; оно существуетъ только въ польской исторической литературѣ. Насъ удивляетъ главнымъ образомъ то обстоятельство, что авторъ сократилъ это племя до самаго ограниченнаго minimum'а въ то время, когда въ 1766 г. составитель географическаго словаря *Карпинскій* находилъ это племя въ губерніяхъ Виленской, Гродненской и во всей губерніи Минской, учебникъ географіи 1770 г. изданный въ Варшавѣ для школъ указываетъ на Черную Русь въ Новогородскомъ Воеводствѣ (ostatnie to woiewodstwo (Новогородское) nazywasie pospolicie Rusią Czarną стр. 257 Gieographia powszechna, Warszawa, 1770 г.); а Encyklopedya Powszechna 1866 г. находитъ эту Русь и въ Московскомъ княжествѣ Ивана III, и царствѣ польскомъ, козачизнѣ и еще Богъ знаетъ гдѣ? (Ст. Бартошевича). Ужели все это племя такъ быстро вымерло, что осталось только въ трехъ приходахъ?

О евреяхъ авторъ очерка отзывается съ рѣдкимъ сочувствіемъ. Онъ выводитъ ихъ не изъ Польши, какъ объ этомъ говорятъ еврейскія же привилегіи и акты, а изъ Кіева. Должно быть это были дѣти еврейскихъ миссіонеровъ, дурно принятыхъ св. Владиміромъ? О серьезной сторонѣ исторической и бытовой жизни этого племени авторъ умалчиваетъ, хотя касательно этого вопроса имѣются уже довольно значительные историческіе матерьялы и спеціальныя изслѣдованія. Таковы, напр.: V т. Актовъ Виленской археографической коммиссіи, акты, изданные пр. Бершадскимъ, его же спеціальное изслѣдованіе о древнѣйшихъ судьбахъ евреевъ и другіе.

Намеки на сеймъ 1788 года, когда рѣчь-посполитая проэктировала даровать евреямъ полныя права гражданства, слишкомъ неумѣстны. Мало ли что могло обѣщать капиталистамъ евреямъ польское государство, стоявшее на краю гибели? Но мы лучше раскроемъ Volumina Legum и посмотримъ, чѣмъ владѣли евреи въ цвѣтущую пору этого государства? Въ это время евреямъ воспрещено было взимать пошлины, выдавать подъ росписки и векселя деньги, держать христіанскую прислугу, заниматься торговлей безъ опредѣленныхъ договоровъ съ христіанами, выходить на улицы во время христіанскихъ процессій, заниматься перекупничествомъ, запрещено было даже носить обыкновенныя шапки, кромѣ жолтыхъ. Кажется, въ настоящее время не существуетъ такихъ ограниченій!? Единственное что разрѣшила и узаконила для евреевъ рѣчь-посполитая—это *кагалъ*; онъ складывался подъ ея легкомысленнымъ владычествомъ, не смотря на продолжительные протесты со стороны самихъ же евреевъ, легъ тяжелымъ бременемъ на экономическую жизнь края и стоитъ теперь предъ христіанскимъ міромъ во всеоружіи *еврейскаго всемірнаго союза*. Съ этой точки зрѣнія рѣчь-посполитая оказала евреямъ величайшую услугу; но поработивши имъ всѣ остальныя племена края, положившія неизмѣримое количество своего труда и своихъ костей на культурное его развитіе, она совершила одну изъ величайшихъ несправедливостей.

Никто не можетъ отнять у автора очерковъ права высказывать къ еврейскому племени свои задушевныя симпатіи; но чтобы доказать его гуманность и безкорыстіе по отношенію къ другимъ племенамъ края, намъ кажется нужно представить болѣе вѣскія доказательства, нежели разсказъ объ отношеніяхъ одного фактора къ одному хорошему знакомому автора помѣщику, которые не могли обойтись другъ безъ друга. Вѣдь оба они были полновластные распорядители крестьянскаго труда и капитала? Въ серьезномъ историческомъ очеркѣ такіе разсказы отзываются балагурствомъ добраго прошлаго.

Во всѣхъ трехъ губерніяхъ авторъ находитъ шляхетскія околицы и приводитъ подробности ихъ прежнихъ политическихъ правъ и отношеній къ магнатамъ, ихъ современные нравы и обычая; но при этомъ забываетъ пояснить, что эти околицы въ большинствѣ случаевъ представляютъ собой обломки древняго путнаго и понцырнаго боярства, частію превращеннаго въ хлоповъ, а частію облеченнаго въ шляхетство. Между такой шляхтой на полѣсьи есть цѣлыя селенія, ни слова не говорящія по-польски. Авторъ вспоминаетъ о центральной ревизіонной коммиссіи 1843 года, превратившей многія тысячи шляхтичей въ однодворцевъ и гражданъ, но забываетъ сказать, что на мѣста ихъ были созданы такія же другія тысячи путемъ подкуповъ и фальсификаціи документовъ.

IV.

Въ VII очеркѣ, озаглавленномъ „просвѣщеніе и народное творчество" на 101 стр. читаемъ: „мы уже говорили, что первыя училища заведены были при монастыряхъ (православныхъ или католическихъ?). При виленскомъ р.-католическомъ соборѣ, а также при костелѣ св. Іоанна заведены были школы одновременно съ основаніемъ этихъ храмовъ (несомнѣнно школы римско-католическія). *По всей вѣроятности, такія же школы могли существовать также съ XIV ст. при православномъ соборѣ и другихъ церквахъ* (а въ дѣйствительности могли пожалуй и несуществовать?).

Можно ли выразиться по поводу этого важнаго предмета злѣе и насмѣшливѣе? Вѣдь самъ же авторъ въ началѣ 100 стр. говоритъ, что польская типографія была открыта спустя 22 года послѣ появленія русской письменности (т. е. печати?), „что эта письменность указываетъ на извѣстную степень нравственнаго развитія народа, для котораго потребовались печатныя книги духовнаго содержанія въ то время, когда печать еще такъ мало была распространена у другихъ народовъ". Только духовнаго содержанія!? Но я обращаюсь къ вамъ, величавыя тѣни гедиминовичей, ольгердовичей, какъ владѣтельныхъ князей; къ вамъ, первые издатели письменнаго литовско-русскаго законодательства, какъ современникамъ этой эпохи! разрѣшите намъ, своимъ потомкамъ это оскорбительное подозрѣніе: въ какихъ школахъ воспитывались ваши секретари, ваши юридическіе дѣльцы, творившіе судъ и расправу на языкѣ русскомъ во всѣхъ предѣлахъ Л.-Р. княжества,—въ школахъ православныхъ или католическихъ? И вы, достойные представители и поборники западно-русскаго просвѣщенія, скажите намъ: для кого вы открывали въ своихъ городахъ и помѣстьяхъ типографіи,—для своихъ одноземцевъ, или *„коренныхъ чужеземцевъ"*? Мы обезпокоили могильныя тѣни этихъ первыхъ проводниковъ и защитниковъ западно-русской гражданственности и религіозно-нравственнаго просвѣщенія, потому что дѣятельность ихъ чисто-русская, патріотическая, подвергается не только сомнѣнію, но и умышленному извращенію.

Какъ обширна и вмѣстѣ съ тѣмъ страшна была русская школа и письменность для католическо-польской пропаганды, объ этомъ свидѣтельствуютъ многочисленные документы и Volumina Legum, указывающіе на неуклонное стремленіе ея не только подавить ихъ, но и совершенно уничтожить. Прочное, серьезное начало этимъ преслѣдованіямъ было положено тѣмъ самымъ королемъ Стефаномъ Баторіемъ, который говорилъ о себѣ, что *онъ властвуетъ надъ людьми, а Господь надъ ихъ совѣстію*. Вотъ, напримѣръ, мандатъ этого толерантнаго короля виленскому старостѣ, въ которомъ онъ, *по жалобѣ р.-католическаго епископа*, строго предписываетъ запретить диссидентамъ скупать дома и плацы для постройки храмовъ, устройства школъ и братствъ подъ страхомъ конфискаціи имущества и уплаты 10,000 копъ литовскихъ грошей пени. Все это староста долженъ былъ исполнять подъ маской доброжелательства: *„сохраняя миръ между диссидентами по вѣрѣ, тѣмъ не менѣе* nullam novam scholam, vel delubrum, vel domum ad supra memorata exercitia et conventicula vel constitui permittat, pro gratia nostra regia aliter non facturus *).

Вотъ напримѣръ привилегія короля Яна Казиміра виленскимъ переплетчикамъ, выданная по ходатайству *виленскаго р.-католическаго епископа*. Въ этой привилегіи король предоставляетъ имъ право слѣдить: „чтобы никто изъ *диссидентовъ или еретиковъ не ввозилъ и не продавалъ въ Вильнѣ никакихъ книгъ, а также не открывалъ библіотекъ"*. Въ противномъ случаѣ книги должны были подвергаться конфискаціи и поступать въ собственность переплетчикамъ по вымороченному отъ короля праву **).

Въ 1794 году на основаніи конституціи гродненскаго сейма была составлена особая цензурная коммиссія, состоявшая изъ *35 ксендзовъ* (для литовскаго полѣсья), на кото-

*) Акты Вил. Арх. Ком. т. VIII.
**) Ак. Вил. А. К. т. X.

рую возложена была полицейская обязанность уничтожать всѣ книги, какія только находились въ библіотекахъ, книжныхъ складахъ и типографіяхъ, если онѣ заключали въ себѣ *ядъ противъ обычаевъ* (?) *и римско-католической вѣры* *).

Сколько было уничтожено въ это время памятниковъ западно-русской письменности и печати, въ которыхъ находился диссидентскій ядъ противъ католицизма? Но ихъ было такъ много, что осталось еще значительное количество для истребленія и въ позднѣйшее время. Мы бы зашли слишкомъ далеко, еслибы вздумали покороче познакомить читателя съ правительственною дѣятельностію въ этомъ родѣ бывшей рѣчи посполитой; но передъ нами стоитъ XIX столѣтіе и мы торопимся приблизиться къ весьма важной эпохѣ западно-русскаго просвѣщенія.

Выдающимся дѣятелемъ этой эпохи былъ князь Адамъ Чарторыйскій—сначала русскій министръ иностранныхъ дѣлъ, потомъ попечитель Виленскаго учеб. округа, наконецъ основатель Ламберова отеля и родоначальникъ королей несуществующаго королевства. Свою фамильную программу онъ развивалъ въ своемъ же помѣстьи Пулавахъ. По выраженію одного современнаго польскаго писателя Козмяна „Пулавы сдѣлались польскимъ Эпиромъ, въ которомъ Геленъ по разрушеніи большой Трои, основалъ Трою малую“. Отсюда стали развиваться новыя національно-польскія стремленія по всѣмъ предѣламъ бывшей рѣчи-посполитой.

Въ 1802 г. кн. Чарторыйскому было поручено проэктировать уставъ для Виленскаго университета и учебнаго округа. Въ 1803 году въ помощники къ нему прикомандированъ былъ, въ качествѣ визитатора училищъ, Ѳаддей Чацкій. Первый пригласилъ къ себѣ въ сотрудники ректора Виленской академіи Стройковскаго; второй—Гуго Колонтая. Образовалось два центра просвѣтительной польской дѣятельности: одинъ въ Вильнѣ, другой въ Кременцѣ. Работа закипѣла. На нее обращены были невольные взоры польскихъ патріотовъ. „Подъ русскимъ владычествомъ, писалъ по этому поводу Фр. Дмоховскій Колонтаю, намъ открываются самые благопріятные виды. Вмѣстѣ съ тѣмъ *организація публичной инструкціи въ выборѣ способныхъ соотечественниковъ на мѣсто учителей произведетъ то, чего только ожидать можно въ данномъ случаѣ.* Но если учительскія мѣста заняты будутъ чужеземцами, тогда придется попрощаться съ отечественными науками, и въ особенности пострадаетъ отъ этого образованіе. Излагая науки на чужомъ языкѣ, можно приготовить извѣстное число ученыхъ, но безъ польскаго языка нельзя распространять образованія въ массѣ. Въ данномъ случаѣ цѣли Императора таковы **), что позволяютъ надѣяться получить отъ него гораздо больше, нежели сколько можетъ дать намъ какое бы то ни было правительство“. Но каково было ихъ разочарованіе, когда Стройковскій долженъ былъ допустить въ своемъ уставѣ (составленнымъ на основаніи общаго устава Россійскихъ университетовъ) §, по которому университетскій совѣтъ могъ приглашать на ученую службу и иностранцевъ. Противъ этого поднялась буря. „Виленскій университетъ, писалъ по этому же дѣлу Дмоховскій Колонтаю, пополняется чужеземцами; тамъ будутъ нѣмцы, французы, итальянцы, англичане—словомъ вавилонское столпотвореніе. Принято за систему ни къ чему не допускать поляковъ, какъ неспособныхъ. — Послѣ паденія народа трудно нанести ему большее оскорбленіе, какъ смотрѣть на него такими глазами, и виленская академія, никогда не пользовавшаяся хорошей репутаціей, теперь окончательно покрылась позоромъ. И что тамъ были за профессора? Они не умѣли воспитать себѣ преемниковъ, и это преемство не сопряжено съ большими затрудненіями. Объ этомъ можно только сожалѣть, но исправить трудно. *Гдѣ мы закладывали гнѣзда польскаго языка и польской литературы, тамъ будетъ сѣдалище нѣмецкихъ трансцедентолистовъ, и Вильна сдѣлается колоніей чужеземцевъ“*... Колонтай по этомуже поводу писалъ Снядецкому: „въ своемъ проэктѣ онъ (Стройновскій) призналъ необходимымъ обратиться къ вызову иностранцевъ и этимъ отдѣлилъ отъ себя достойныхъ поляковъ. Теперь онъ твердитъ, что трудно найти поляковъ, и въ самомъ дѣлѣ, какъ онъ найдетъ ихъ, поставивши на одну доску съ чужеземцами и подчинивъ суду недоучившихся виленскихъ ученыхъ?“. Но крутыя мѣры были несогласны съ политикой кн. Чарторыйскаго и дѣло обошлось въ пользу преобладанія польскаго направленія гораздо успѣшнѣе, нежели какъ опасались разные патріоты.

Нельзя здѣсь не замѣтить, что намѣренія М. Н. Просвѣщенія были иныя. Графъ Завадовскій былъ противъ учрежденія Округа въ такихъ обширныхъ размѣрахъ, хотѣлъ отдѣлить Юго-Западныя губерніи и образовать особый округъ подъ главенствомъ Университета Кіевскаго. Съ этою цѣлью онъ нарочно ѣздилъ туда въ 1805 году; но Чарторыйскій не дремалъ и выслалъ къ нему на встрѣчу Чацкаго съ слѣдующимъ представленіемъ: „открывать новый университетъ въ Кіевѣ чрезвычайно неудобно, во 1-хъ потому, что Кіевъ стоитъ въ сторонѣ отъ С. З. Края и занимаетъ невыгодное мѣстоположеніе для такого заведенія; во 2-хъ потому, что недалеко отъ Кіева уже открытъ университетъ въ Харьковѣ; въ 3-хъ потому, что желанія обывателей, несущихъ свои пожертвованія на пользу образованія таковы, чтобы преподаваніе шло на языкѣ польскомъ, чего нельзя достигнуть въ Кіевѣ, какъ въ древнѣйшемъ русскомъ городѣ, гдѣ гражданское право должно преподаваться на основаніи права русскаго — *не здѣшняго*, а право церковное на основаніи права восточнаго, и богословіе въ духѣ благочестія. Такія затрудненія не имѣли бы большого значенія, еслибы русское духовенство было болѣе или менѣе сносно образовано; но до тѣхъ поръ, пока не устранится это послѣднее неудобство, учрежденіе въ Кіевѣ университета останется дѣломъ очень спорнымъ тѣмъ болѣе, что школьное образованіе унаслѣдовало здѣсь нѣмецкій уставъ, допускающій только четыре факультета“. Истинныя же причины нежеланія кн. Чарторыйскаго открывать университетъ и учебный округъ въ Кіевѣ были совершенно другія. „Какъ полякъ, писалъ по этому поводу Калонтай Снядецкому, князь Чарторыйскій не желаетъ открытія университета въ Кіевѣ, гдѣ можно предвидѣть неминуемый упадокъ нашей рѣчи и неминуемыя препятствія въ мѣстной суперстиціи. Не желаетъ онъ открытія и новаго округа оттого, чтобы не нарушить того объединенія края, которое выражается въ настоящее время въ единствѣ образованія“. По русски это значитъ: князь Чарторыйскій не желаетъ открытія Кіевскаго университита и Округа оттого, чтобы не выпустить изъ-подъ своего полонизаторскаго вліянія нѣсколькихъ губерній и не нарушать традиціонной цѣлости

*) Ак. Вил. А. К. т. X.

**) Изъ записки гр. Огинскаго, поданной въ 1811 году Императору Александру I видно, что Государь соглашался образовать изъ Литовско-русскаго княжества—Литовское герцогство съ мѣстной администраціей на польскомъ языкѣ. Русск. Архивъ 1874 г.

границъ в. кн. Литовскаго, въ которыхъ оно подчинялось рѣчи-посполитой.

Опасность миновала, желанія Чарторыйскаго увѣнчались полнымъ успѣхомъ и бывшее великое княжество Литовско-русское сдѣлалось поприщемъ для развитія въ немъ политики національно-польской. Протеста со стороны мѣстной интеллигенціи, не раздѣлявшей этого направленія, не только не послѣдовало, какъ это постоянно бывало во времена рѣчи-посполитой, но и не могло послѣдовать, частію вслѣдствіе незнанія, частію вслѣдствіе новыхъ политическихъ условій, измѣнившихъ отношенія новыхъ подданныхъ къ новому правительству. Съ этой поры С.-западной и Юго-западной Руси суждено было безропотно и надолго подчиниться политическимъ проискамъ незначительной части людей, объявившихъ себя чужеземцами, и выносить на своихъ плечахъ всѣ послѣдствія продолжительныхъ революціонныхъ движеній. Съ этой точки зрѣнія заслуги покойнаго митрополита Сѣмашки, примирившаго уніатовъ съ православными, въ глазахъ потомства неоцѣненны. И его-то мы не нашли въ иллюстраціи живописной Россіи!

Какъ успѣшно велись дѣла ополяченія молодежи въ школахъ Виленскаго учебн. округа, видно изъ слѣдственныхъ дѣлъ комиссіи Новосильцова, проливающихъ яркій свѣтъ на это темное пятно Западно-русской исторической жизни.

Изъ этихъ дѣлъ видно, что въ 1805 году еще *нужно* было вербовать учениковъ въ польскіе легіоны; въ 1818 году они уже *добровольно* обрекали себя на жертву отечеству, и въ 1823 году во имя Польши *совершали уже уголовно-политическія преступленія*.

Самымъ довѣреннымъ лицемъ кн. Чарторыйскаго въ распространеніи его идей, былъ Контримъ. „Подъ скромнымъ названіемъ адъюнкта, писалъ объ немъ Новосильцовъ Цесаревичу Константину Павловичу, котораго онъ никогда не искалъ перемѣнять, сей хитрый и скрытный человѣкъ управлялъ очень долгое время самымъ непримѣтнымъ образомъ какъ университетомъ, такъ, можно сказать, и мнѣніемъ большей части публики. Всѣ сіи, собранныя мною на его счетъ свѣдѣнія, были поводомъ, что я внутренно почиталъ его одною изъ главнѣйшихъ пружинъ возмутительной системы, но по разнымъ причинамъ не прежде могъ приступить къ рѣшительной мѣрѣ какъ по возвращеніи моемъ въ Вильну“.

При содѣйствіи этого человѣка и многихъ другихъ, были основаны въ Вильнѣ многочисленныя тайныя общества, а по примѣру Вильны и въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ края. Таковы были общества: Шубравцевъ, Лучезарныхъ, Филоматовъ, Филаретовъ—въ Вильнѣ; Науковое и Моральное, Черныхъ братьевъ и Зорянъ—въ другихъ мѣстностяхъ края. Устраивались эти общества чуть ли не съ вѣдома самого университета. Такъ, по поводу визитацій Ходзько, Новосильцевъ доносилъ Цесаревичу, что „этотъ дворянинъ былъ посылаемъ отъ университета въ качествѣ визитатора училищъ Виленскаго Учебнаго Округа и производилъ свои визитаціи съ извѣстнымъ Заномъ (основателемъ общества Филаретовъ), состоявшимъ при немъ письмоводителемъ и такимъ образомъ распространилъ духъ сего общества не только между учениками, но и между учителями“.

Въ своихъ засѣданіяхъ мальчишки — политиканы произносили патріотическія—польскія рѣчи и стихотворенія, боготворили Наполеона и угрожали смертію сѣверной тиранніи; даже въ загородныхъ играхъ изображали изъ себя разныхъ чиновъ рѣчи-посполитой: воеводъ, старостъ, чашихъ, хоружихъ и т. д.

Чтобы читатели могли имѣть хотя бѣглое понятіе о тонѣ и характерѣ политическихъ рѣчей этихъ обществъ, мы приведемъ здѣсь одну изъ нихъ въ переводѣ на русскій языкъ. *Въ честь Іосифа Массальскаго.*

„Разверзлась книга непостижимыхъ предопредѣленій. Предвѣчный Богъ, котораго могущество безконечно, низвергъ своею десницею храброе племя леха; оно разорвано на части, земля у него отнята, цѣпь святыхъ законовъ уничтожена и на рамена вольнаго народа возложены оковы... Уже сѣверный варваръ, захвативъ въ свои когти милліоны дѣтей нашей матери, пожираетъ невинныхъ, и даже это дикое чудовище не подаетъ и луча надежды на счастіе. Сіе исчадіе природы, рожденное во мракѣ Эреба отъ наложницы гибельныхъ люциферовъ, нѣкогда безстыдный рабъ Наполеона, неблагодарный за благодѣянія, приготовилъ ему смертоносный кинжалъ и измѣною завоевалъ обширный свѣтъ. Но за чѣмъ дальше?—Нынѣшніе его поступки явно открываютъ намѣренія крокодила.—Покинемъ мы нашихъ братьевъ надъ Вислой! Рона, Тибръ, наконецъ потомки Греціи чувствуютъ, кто ихъ честитъ. Братья, не измѣнившіе своему племени,— вы, которые любите свободу и хотите быть свободными въ тайнѣ,—вы, которые благоговѣя предъ божеской волей ожидаете, не разсѣетъ ли какая—либо благодатная звѣзда огромныхъ тучъ на нашемъ горизонтѣ,—вы, въ которыхъ не изсякла еще отеческая добродѣтель—польское юношество, достойное этого названія! Когда тиранъ запрещаетъ намъ открыто любить свое отечество, то облегчая свой жребій, будемъ любить его тайно. Быть можетъ, когда либо Богъ и умилостивится надъ нами; быть можетъ, наши несчастія и достигли уже своей цѣли; быть можетъ, для тирана и готовы уже гибельные кинжалы!“...

Удивительно ли послѣ этого, что между бумагами основателя общества Филаретовъ Зана нашлись совѣты „rodakam“, чтобы они всѣ свои познанія по Физикѣ, Химіи и естественнымъ наукамъ направляли къ истребленію Россіянъ.

Вотъ откуда пошло къ Западной Руси новое племя „коренныхъ поляковъ“. Впрочемъ это политическое броженіе, сдѣлавшее такой переворотъ въ жизни и національномъ сознаніи нѣкоторой части ея интеллигентнаго общества, авторъ очерка называетъ скромнымъ именемъ *романтизма.* Хорошъ былъ романтизмъ, когда выдающихся представителей его пришлось присудить къ смертной казни; мы разумѣемъ кн. Чарторыйскаго и профессора Лелевеля.

Нельзя сказать, чтобы русское правительство не предпринимало никакихъ мѣръ къ искорененію такого крупнаго зла; съ этою цѣлью составленъ былъ даже спеціальный верховный комитетъ — изъ графа Аракчеева, адмирала Шишкова и сенатора Новосильцова; но мѣры указанныя ими, были чисто внѣшнія, палліативныя, и не выходили изъ предѣловъ строгаго надзора посредствомъ удвоеннаго количества инспекціи. Болѣе серьезныя мѣры были рекомендованы бѣлорусскимъ губернаторомъ кн. Хованскимъ, часть которыхъ и была осуществлена. Но мы не имѣемъ надобности входить здѣсь въ подробное изслѣдованіе этого предмета, потому что это внѣ нашей задачи *). А изъ приведенныхъ фактовъ, кажется, довольно ясно, что потеря сознанія національной самобытности нѣкото-

*) Лицъ, желающихъ познакомиться съ подробностями этого дѣла, мы просимъ заглянуть въ Русскій архивъ 1874 г., гдѣ была напечатана нами статья объ этомъ же предметѣ.

рой частью западно русской интеллигенціи обязана преимущественно школамъ кн. Черторыйскаго. Слѣдовавшіе за тѣмъ мятежи и общія карательныя мѣры наравнѣ съ политическими преступниками поляками, допущеніе польскаго языка въ школы, нѣкоторыя періодическія изданія и мѣстную литературу не только закрѣпили эту связь съ польскими стремленіями, но что всего печальнѣе—на долгое время сбили съ толку народныя массы на счетъ яснаго пониманія истиннаго положенія въ здѣшнемъ краѣ полонизма. Эта сбивчивость будетъ имѣть подъ собой твердую почву до тѣхъ поръ, пока польскій языкъ не будетъ замѣненъ другимъ языкомъ въ католическомъ богослуженіи.

V.

Основанія, по которымъ авторъ очерковъ, старается сохранить орфографію названія города Вильны чрезъ о (Вильн-о), мы считаемъ слишкомъ недостаточными. Разберемъ это дѣло.

По литовски Вильна называется *Вильнюя* и происходитъ отъ древняго русскаго названія рѣки *Виліи* или *Веліи*; ибо литовское названіе этой рѣки есть *Нерисъ*. Вотъ почему Вигандъ весьма основательно Вильну считаетъ городомъ русскимъ: *„civitas Ruthenica“*.

За тѣмъ во всѣхъ древнихъ актахъ, которые намъ приходилось читать, городъ этотъ называется Вильн-а или Вильня. Такихъ актовъ мы видѣли по меньшей мѣрѣ тысячъ 60. Свою же ороографію авторъ очерковъ основываетъ на одномъ актѣ изданія С.-П. Археографической Коммиссіи. Этотъ актъ есть списокъ ордынщины съ западно-русскихъ городовъ, которые имѣютъ слѣдующую ороографію: Вильна называется Вильн-о; Ковно — *Ковенъ*; Гродно — *Городенъ*; Новогрудокъ— *Новогородокъ*; Брестъ — *Берестье*; Минскъ—*Менескъ* и др.; эти послѣднія названія кромѣ Вильны встрѣчаются и въ актахъ позднѣйшаго времени. Въ этомъ же самомъ томѣ названіе Вильны съ окончаніемъ *а* и *я* встрѣчается разъ 15; такъ Иванъ III отправляетъ свою грамоту въ *Вильну*, а князь Литовскій Александръ пишетъ свои грамоты у *Вильни* и т. д. Принимая во вниманіе, что единичные случаи правописанія какого—либо слова должны считаться не правиломъ, и исключеніемъ, мы утверждаемъ, что Вильна должна писаться или съ окончаніемъ *а*, или *я*, но отнюдь не съ окончаніемъ *о*, хотя это послѣднее и принято употреблять въ польской литературѣ, вѣроятно по аналогіи съ названіями городовъ Гнѣзн*о*, Лѣшн*о*, Сѣнн*о*, не имѣющимъ впрочемъ никакого значенія актовъ. Съ другой же стороны, если авторъ во что бы то ни стало желаетъ сохранить для Вильны названіе по вышеприведенному документу, то почему онъ не возстановляетъ актовыхъ названій и для другихъ городовъ, встрѣчающихся въ ордынскомъ спискѣ? Въ томъ и другомъ случаѣ здѣсь очевидное пристрастіе.

Вообще говоря, давно бы уже слѣдовало возстановить настоящія древнія названія западно-русскихъ городовъ, измѣненныя польской ороографіей, чуждой для языка русскаго и вовсе необязательной. Если поляки стремятся всего имѣть въ этомъ краѣ больше, нежели сколько могутъ *получить*, то почему же русскимъ не отдать того, что имъ *должно слѣдовать*.

Въ заключеніе мы не можемъ пройти молчаніемъ желанія автора набросить тѣнь подозрѣнія на виленскихъ мучениковъ, происхожденіе которыхъ онъ очень прозрачно приписываетъ тенденціознымъ дѣйствіямъ духовенства и Св. Синода.

Намъ извѣстно изъ церковной исторіи, что жизнеописаніе виленскихъ мучениковъ помѣщено въ *Четьихъ минеяхъ* московскаго митрополита Макарія, когда на Руси не существовало еще и патріаршества. Обстоятельство это ясно опровергаетъ мнѣніе автора, что съ 1347 года по 1826-й никакихъ достовѣрныхъ свѣденій о мученикахъ не имѣется. Интересно знать, какое авторъ можетъ представить болѣе достовѣрное извѣстіе нежели то, что память ихъ ежегодно чествовалась всей православной русской церковью? Согласіе Св. Синода съ заключеніемъ іерарховъ, осматривавшихъ святыя мощи, указываетъ только на формальную сторону дѣла, т. е. признаніе въ открытыхъ мощахъ тѣхъ именно мучениковъ, которые пострадали во времена Ольгерда; но происхожденіе мучениковъ не можетъ быть подвержено никакому сомнѣнію, потому что оно относится ко временамъ старины глубокой, освятившей бытіе и память ихъ, наравнѣ съ другими поборниками христіанства на Руси, въ своей церковной лѣтописи.

Вообще въ сужденіяхъ автора часто встрѣчаются явныя натяжки, и потому нѣтъ ничего удивительнаго, что признавая за безспорный фактъ избіеніе въ Вильнѣ францишкановъ, во времена Ольгерда, относительно избіенія православныхъ мучениковъ онъ выражается болѣе, нежели двусмысленно, говоря: „въ царствованіе Ольгерда произошло событіе, котораго историческая критика не можетъ объяснить съ положительною ясностію“. Но почему-же для автора совершенно ясно избіеніе францишкановъ во времена этогоже Ольгерда? Такъ привыкла относиться къ событіямъ западно-русской жизни не *историческая критика*, а *тенденціозно-польская*, для которой только то истинно, что соотвѣтствуетъ ея интересамъ. Масштабъ этотъ всегда слѣдуетъ имѣть въ виду при разсмотрѣніи польскихъ историческихъ сочиненій, касающихся попреимуществу здѣшняго края. Одно думать, другое говорить, третье дѣлать никогда не было чуждо критикамъ этой школы. Мы не злоупотребимъ терпѣніемъ читателя, если припомнимъ здѣсь, что говорилось этими людьми въ 1856 году при открытіи въ Вильнѣ Музея Древностей. „Не всѣмъ еще доступно, говорено было однимъ изъ выдающихся членовъ археологическаго общества, что Археологія чуждается мелкихъ побужденій, современныхъ страстей, не обязана льстить народному самолюбію, и скопляя въ музеумъ памятники всего, что было живо и интересно въ минувшемъ,—предоставляетъ исторіи изъ нагроможденныхъ данныхъ произносить приговоры, хвалить или осуждать. Она ищетъ не красоты въ лицахъ предковъ, но сходства... Да будутъ же девизомъ всѣхъ нашихъ дѣйствій и стремленій слова Апостола Павла: Павелъ ли, или Аполосъ, или Кифа, или міръ, или жизнь, или смерть, или настоящее или будущее, все наше: мы же Христовы, а Христосъ Божій“ *) (I Кор. III, 22—23).

Но не прошло 5—6 лѣтъ, какъ Виленскій Музей представилъ собой самое блистательное освѣщеніе жизни польской; спрятанъ былъ гдѣ—то въ витринѣ даже литовскій статутъ, принесенный въ даръ митрополитомъ Сѣмашкой, а сапѣжинскія старинныя русскія рукописи—въ нишѣ за шкафами были обречены на гніеніе.

Мы вспомнили объ этомъ времени потому, что авторъ очерковъ помѣщаетъ теперь свои воспоминанія объ этомъ же времени въ Петербургской польской газетѣ—„Край“.

*) Записки Вил. Арх. Ком. ч. I. 1856 г. стр. 38—39.

VI.

Очень серьезнаго вниманія заслуживаютъ еще нѣкоторыя мѣста X очерка, посящаго названіе *„Народный трудъ"*.

На страницахъ этого очерка авторъ устанавливаетъ свои взгляды на отсутствіе къ краѣ купцовъ, торговцовъ и отчасти ремесленниковъ изъ среды народа; высказываетъ сожалѣніе по поводу закрытія обществъ трезвости, хотя слѣды ея находитъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и по настоящее время; указываетъ на злоупотребленія волостныхъ чиновъ, безнравственность молодаго поколѣнія, занимающагося грабительствомъ и конокрадствомъ и, наконецъ, указываетъ на недовѣріе народа къ своему духовенству. Эти послѣднія строки такъ поучительны, что мы считаемъ необходимымъ привести ихъ въ подлинникѣ:

„Трудно, говоритъ авторъ, съ увѣренностію сказать, улучшается ли нравственность крестьянъ. Конечно, это зависитъ отъ мѣстности и вліянія духовенства (?). Въ Ковенской губерніи, гдѣ почти сплошное населеніе римско-католическаго исповѣданія, вліяніе духовенства очень сильно и благотворно. Тамъ и въ числѣ духовенства много лицъ изъ крестьянскаго сословія, хорошо знающихъ его бытъ, характеръ, нравы и обычаи. Въ Виленской же и Гродненской губерніяхъ, вслѣдствіе политическихъ причинъ, многіе изъ прежнихъ приходскихъ священниковъ удалены, а на ихъ мѣста назначены, *большею частію по выбору административныхъ свѣтскихъ властей, люди недостойные, не сознающіе своего долга и высокаго призванія. Народъ не довѣряетъ имъ и видитъ въ нихъ только чиновниковъ въ родѣ пристава, или окружнаго начальника*. Понятно, что мы не имѣемъ въ виду всего духовенства, какъ православнаго, такъ и католическаго, но указываемъ только на исключенія, къ сожалѣнію, весьма нерѣдкія" (стр. 215).

Мы не имѣемъ подъ рукой необходимыхъ данныхъ, чтобы поставить автора на документальную почву и показать крайнюю его односторонность; но двадцатилѣтняя наша жизнь въ краѣ все таки цаетъ намъ возможность высказать нѣсколько замѣчаній, не лишенныхъ знанія условій мѣстной жизни, которыя въ случаѣ надобности могутъ быть подтверждены и фактами.

Отсутствіе въ краѣ купцовъ, торговцевъ и отчасти ремесленниковъ изъ мѣстной народной среды нельзя объяснять *преимущественною ролью земли*, въ экономическомъ развитіи края, какъ это думаетъ авторъ. Разсмотрите акты, изданные въ Петербургѣ, въ Вильнѣ, Кіевѣ, Витебскѣ, и вы увидите, что лѣтъ 200 тому назадъ промышленность и торговля били очень сильнымъ ключемъ въ средѣ кореннаго литовскаго и бѣлорусскаго племени: здѣсь были купцы—христіане, торговцы—христіане, ремесленники—христіане, непришлые, а туземные; они имѣли свои братскіе уставы; многіе изъ нихъ отличались глубокимъ образованіемъ, богатствомъ и широкою благотворительностію, распространявшеюся на многія мѣста в. кн. литовско—русскаго; многіе изъ нихъ вели обширную заграничную торговлю на собственныхъ „витинахъ"; но противъ нихъ велась упорная, продолжительная и двойная борьба. Сверху вело эту борьбу дворянство, которое на каждомъ почти сеймѣ *„острила"* противъ нихъ ограничительный законъ, извѣстный въ Volumina'хъ Legum подъ стереотипнымъ названіемъ „lex sumptuaria"; снизу—кагальное еврейство, захватившее въ свои руки, при содѣйствіи этогоже дворянства, всѣ почти промыслы и торговлю края. Поговорите съ болѣе развитыми крестьянами и вы увидите, что они и теперь рады бы заняться торговлей и промыслами, но не могутъ вступить въ конкуренцію съ капиталистами евреями, дѣйствующими *одинъ за всѣхъ и всѣ за одного*. Что же имъ остается кромѣ *земли?* Ничего! Но это вовсе не значитъ, что земля тутъ виновата.

Общества трезвости дѣйствительно имѣли политическую подкладку и преслѣдовали не столько нравственныя цѣли, сколько исключительныя, направленныя къ упроченію вліянія надъ народомъ римско-католическаго духовенства, часто увлекавшаго его своими проповѣдями о трезвости въ ту сторону, куда народу идти не слѣдовало. Замѣнить *водку пивомъ*, какъ это и теперь еще практикуется нѣкоторыми старыми членами обществъ трезвости,—это не значило еще выучить народъ бережливости; а заставить членовъ пѣть разныя кантычки, отличавшіяся иногда духомъ нетерпимости и вражды къ Россіи,—это не значило учить народъ нравственности. Мы не желаемъ входить въ подробности этого предмета, потому что по нѣкоторымъ причинамъ признаемъ неудобнымъ. Также точно находимъ неудобнымъ и со стороны автора упрекать правительство въ томъ, будто оно могло ставить преграды своимъ подданнымъ въ развитіи ихъ нравственнаго и экономическаго благосостоянія.

Злоупотребленія волостныхъ чиновъ по существу своему весьма прискорбны, какъ и всякія злоупотребленія; но должно быть они не повсемѣстны и не производятъ особенно дурнаго вліянія на благосостояніе народныхъ массъ, потому что въ XI очеркѣ Живописной Россіи, принадлежащемъ П. П. Семенову, представлены поразительные результаты увеличенія въ этомъ краѣ народонаселенія, которое за послѣднее 20-лѣтіе возрасло до 32%. Кто знакомъ съ законами статистики, тотъ пойметъ, что значитъ 32% увеличенія народонаселенія въ странѣ отъ природы не богатой и подверженной давленію еврейской эксплоатаціи.

Обвиненіе авторомъ молодаго поколѣнія въ безнравственности, не подтверждено никакими данными и можетъ имѣть значеніе чистаго предположенія. Можно думать, что онъ приписываетъ это печальное явленіе непосредственному вліянію правительственной школы, иличе отсутствію обществъ трезвости, или же ослабленію вліянія римско-католическаго духовенства.... Во всякомъ случаѣ авторъ заявляетъ только личное свое мнѣніе, и не подтверждаетъ его ни фактами, ни ссылками, ни документами, такъ что читатель по неволѣ долженъ тѣряться въ предположеніяхъ и догадкахъ, въ то время, когда дѣло это, по нашему разумѣнію, объясняется хоть съ одной стороны очень просто. Въ нашемъ краѣ до чрезвычайности развиты корчемные и кабачные притоны. Эти темныя гнѣзда всевозможныхъ преступленій всегда представляли и представляютъ собой легкую возможность сбыта награбленнаго добра, такое же легкое укрывательство и подстрекательство къ занятіямъ подобнаго рода. Объ нихъ нельзя умалчивать, когда дѣло идетъ о грабительствѣ и конокрадствѣ, какого бы то ни было поколѣнія—стараго или молодаго. Съ другой же стороны гласный судъ обнаруживаетъ теперь самыя незначительныя преступленія, которыя въ доброе старое время отпечатлѣвались на спинѣ преступниковъ сельскими старостами, или экономами и покрывались мракомъ неизвѣстности. При такихъ условіяхъ и количество преступленій должно казаться значительно больше. Закройте корчемные притоны—и преступленія уменьшатся; закройте гласные суды—и вы ничего о преступленіяхъ не услышите.

Строки, выписанныя нами изъ очерка въ подлинникѣ, касательно народной нравственности и положенія въ краѣ римско-католическаго духовенства, отличаются крайней двусмысленностію, хотя и обставлены нѣкоторыми громоотводами въ родѣ „мѣстности“ и „православнаго духовенства“.

Смыслъ этихъ строкъ слѣдующій: народная нравственность уцѣлѣла только въ губерніи Ковенской, гдѣ преобладаетъ вѣра римско-католическая, и гдѣ духовенство сохранило свое прежнее вліяніе надъ народомъ; въ губерніяхъ же Виленской и Гродненской, (гдѣ вѣроисповѣданіе или смѣшанное, или же по преимуществу православное), нравственныя добродѣтели народа изсякли. Изъ этого основанія можно вывести только одно слѣдствіе, что народныя добродѣтели существуютъ только тамъ, гдѣ исключительно господствуетъ вѣра римско-католическая. Чтобы не ослаблять въ читателяхъ всей силы впечатлѣнія такого вывода, мы только слегка замѣтимъ, что таможенное вѣдомство очень жалуется на контробандистовъ, кровныхъ жмудиновъ, увлекающихся по преимуществу прусскимъ спиртомъ; о конокрадствѣ же и другихъ преступленіяхъ должны умолчать...

Но по причинамъ политическимъ, въ дѣла этой вѣры вмѣшались административныя свѣтскія власти, прежнихъ достойныхъ пастырей удалили, а на ихъ мѣста назначили людей недостойныхъ, въ которыхъ народъ видитъ только чиновниковъ въ родѣ пристава, или окружнаго начальника.

Изъ этого основанія слѣдуетъ вывести уже два заключенія: *первое*, что правительство своимъ вмѣшательствомъ въ дѣла римско-католической вѣры Виленской и Гродненской губерніи, роковымъ образомъ повліяло не только на народную нравственность, но и на личныя добродѣтели самаго духовенства, которое вслѣдствіе этого упало до низкаго нравственнаго уровня правительственныхъ чиновниковъ; *второе*, что нравственность правительственныхъ чиновниковъ ниже всякой критики. Что касается православнаго духовенства, то авторъ хотя и упомянулъ о немъ вскользь, но не высказываетъ о немъ ничего опредѣленнаго, такъ что читатель опять остается въ недоумѣніи—лучше ли оно правительственныхъ чиновниковъ, или хуже?

Мы не беремъ на себя труда судить о нравственности римско-католическаго духовенства, хотя и знаемъ что она не подчиняется вліянію свѣтскихъ властей; не беремъ также труда судить и о нравственности правительственныхъ чиновниковъ, хотя и знаемъ что они не ангелы, а люди, не избавленные отъ слабостей, заблужденій и увлеченій: для этого нужны факты, которыхъ мы неимѣемъ, а авторъ, къ сожалѣнію, ихъ не представляетъ; но не можемъ не отмѣтить здѣсь страннаго совпаденія взглядовъ автора на этотъ предметъ съ отзывами иностранныхъ польскихъ газетъ о нѣкоторыхъ римско-католическихъ пастыряхъ, принужденныхъ оставить нашъ край вслѣдствіе особенныхъ давленій нѣкоторыхъ властей не свѣтскихъ. Такіе, напримѣръ, отзывы были помѣщены и въ передовыхъ статьяхъ и корреспонденціяхъ о бывшемъ законоучителѣ одной классической гимназіи, достопочтенномъ о. С..... Въ этихъ органахъ онъ провозглашенъ воспитателемъ цѣлаго поколѣнія ксендзовъ-грабителей, ксендзовъ-развратителей.... Но, скажетъ читатель, вѣдь этотъ законоучитель служилъ въ гимназіи, а не римско-католической семинаріи, и не могъ имѣть на нее вліянія, потому что она находилась въ Вильнѣ, имѣла своихъ спеціальныхъ наставниковъ, и была внѣ сферы его деморализующей дѣятельности? Да, все это совершенно вѣрно; но тутъ „нужно знать, какъ вещи есть“, а онѣ очень незамысловаты: этотъ человѣкъ совершалъ по русски р.-католическое дополнительное богослуженіе!... „Баснь эту можно бы и болѣе пояснить“, но она не касается прямо Живописной Россіи и потому мы оканчиваемъ свои замѣчанія, предоставляя самому читателю судить о томъ, съ какою цѣлью составлены разобранные нами очерки и какую пользу они могутъ принести русской читающей публикѣ.

Бѣлоруссъ.

— Письмо къ Оберъ-Прокурору Св. Синода графу Протасову брестскаго епископа Антонія (нынѣ почившаго архіепископа) *отъ 25 октября 1838 г.* *).—Я имѣлъ счастіе получить отъ вашего сіятельства печатный экземпляръ извлеченія изъ всеподданнѣйшаго отчета вашего сіятельства за 1837 годъ.

Ясный взглядъ вашего сіятельства на церковь ручается за ея будущее благоденствіе.

На счетъ греко-унитской церкви о литовской епархіи беру смѣлость доложить его сіятельству, что она уподобляется вновь отстроенному зданію, остающемуся безъ крыши и враждебные стихіи полонизма и католицизма могутъ по малу разрушить оное (,) такъ что послѣ и крыша не защититъ зданія отъ непрочности. То есть, я хочу сказать, что по моему мнѣнію нужно, дабы поскорѣе послѣдовала высочайшая воля о присоединеніи нашей церкви къ греко-россійской, согласно желанію почти всего духовенства. *Етую* волю я называю крышою. Безъ нея враждебныя стихіи начинаютъ уже нашептывать, что присоединеніе къ православію есть измѣненіе вѣры прародительской, что правительство ненамѣрено приводить оное въ исполненіе и что стремленія къ оному духовнаго начальства могутъ быть разрушенными. Уже появляются маленькіе возмущенія прихожанъ, проистекающіе отъ неблагонамѣренныхъ священниковъ. Епархіальное начальство предпринимаетъ противъ онаго мѣры, но пока дѣло въ секретѣ (офиціальномъ) **) эти мѣры будутъ недостаточны.

Теперь нѣкоторі*и* не знаютъ еще, что почти все духовенство желаетъ присоединенія, а нѣкоторі*и* (,) любящіи возмущенія (,) притворяются незнающими и внушаютъ, что затѣи о присоединеніи можно разрушить. Обнародованная воля царская все бы это прекратила. Колеблющіе (ся?) сказали бы (-«) что миру (міру), то и намъ (»), а возмутители увидѣли бы, что законы о свободѣ вѣроисповѣданія не препятствуютъ общему присоединенію по желанію почти всѣхъ. Теперь злонамѣренные воюютъ законами о вѣротерпимости. Ежели въ бѣлорусской епархіи что-либо недостроено, то можетъ быть конченнымъ подъ крышою. Брестскій епископъ Антоній. Жировицы. 1838 г. 25 октября (архив. канц. Оберъ-Прокур. Св. Синода по катал. 1836 г. № 796. Теперь эти дѣла въ общ. арх. Св. Синода).

Сообщилъ *М. Кояловичъ.*

*) Письмо это писано по поводу большой нерѣшительности въ тогдашней правительственной средѣ покончить дѣло возсоединенія. Противъ этой нерѣшительности дѣйствовалъ и митрополитъ Іосифъ, см. его записки т. I, стр. 114—116, и т. 2, № 23.

**) Разумѣется здѣсь рѣшеніе возсоединить уніатовъ съ православною церковью.

Редакторъ, Протоіерей Іоаннъ Котовичъ.

Дозволено цензурой. Цензоръ, Протоіерей *Петръ Левицкій.*

Печатано въ Типографіи Виленскаго Губернскаго Правленія. г. Вильна. Ивановская у. № д. 11. 1884 г.